

ЛИНГВОСИНЕРГЕТИКА: В ПОИСКАХ УНИВЕРСАЛЬНОГО ЯЗЫКА КОММУНИКАЦИИ

С. В. Моташкова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 25 июня 2015 г.

Аннотация: статья посвящена эволюционным процессам в сознании и его языковой репрезентации. Автор считает, что в конкуренции языков, претендующих на статус универсального языка коммуникации, лингвосинергетика обладает наибольшими возможностями и перспективами развития. Лингвосинергетика как феномен антропоцентризма и его гуманистических ценностей одновременно является основой измерения и упорядочивания открытых саморазвивающихся систем и метаязыком их научного описания.

Ключевые слова: универсальный язык коммуникации, синергетика, лингвосинергетика, научная коммуникация.

Abstract: the article is devoted to evolutionary processes in consciousness and its language representation. The author claims that in the competition of languages applying for the status of universal language of communication, the linguistic synergetics possesses the greatest opportunities and prospects of development. Linguistic synergetics is a phenomenon of anthropocentrism with its humanistic values. At the same time it is a basis of measurement and ordering of open spontaneous systems that can serve as a metalanguage of their scientific description.

Key words: universal language of communication, synergetics, linguasynergetics, scientific communication.

В современном научном пространстве сложилась очень своеобразная ситуация: продолжается активное обсуждение возможностей и перспектив развития универсального языка познания, коммуникации и жизнедеятельности, или того, что автор термина «синергетика» Г. Хакен назвал «междисциплинарным направлением, охватывающим самые разные области знания – от физики до психологии и философии» [1, с. 3].

Становится все более очевидным, что на протяжении трех последних десятилетий активизировался спонтанный поиск универсального языка разнообразной коммуникации, в том числе научной. Но сама проблема его поисков прежде, за очень редким исключением, не ставилась. На статус универсального языка в разное время претендовали различные научные дисциплины. В настоящее время в необъявленном соревновании за первенство участвуют прежде всего математика, космология, психология, кибернетика и лингвистика. Ближе всего, на наш взгляд, к универсальной позиции в последние десятилетия подошли такие методологии научного описания жизнетворчества человечества, как мультимодальность и синергетика – операционные системы антропоцентрической парадигмы.

Казалось бы, такого состязания никто не объявлял. Однако, если взглянуть внимательнее, уже с новых позиций, то окажется, что сближение наук,

вместе с их расхождением, исходящее из древнего мифологического синкретизма и единства центростремительных и центробежных сил, происходило всегда.

Если говорить только о научной коммуникации, то нет, не было и, видимо, не будет такой научной дисциплины, которая не использовала бы терминологические номинации, средства измерения и описания других областей познания. Такие термины, как «единица», «длина», «высота», «земля», «поле», «ядро», «конституция», «морфология», «эволюция», «метр», «энергия», «закон», «структура», «знак», «сигнал», «умножение», издавна и органично используются и гуманитариями, и представителями точных и технических наук.

В наше время, после революционных перемен в культурно-цивилизационных и технологических сферах рубежа XX и XXI в., прежде всего с изобретениями интернета, сотовых телефонов, адронного коллайдера, с их очевидно синергетическими свойствами, этот процесс значительно ускорился, все очевиднее выявляя траекторию самой эволюции сознания и жизнетворчества человека и человечества.

При этом, как и сама эволюция, экспансия универсального языка происходит незаметно, не вызывая потрясений, даже несмотря на то, что эволюция включает в свой процесс революции, бифуркации, диссипации, взрывы последовательности и т.п. Точно также расширение ареала и функций английского языка до статуса средства международного общения

проходит без каких-либо официальных деклараций и постановлений. Математика уже сама объявила о своих намерениях стать языком межпланетной коммуникации.

Процессы терминологической диффузии в последние десятилетия заметно интенсифицировались, находя активное применение не только в научных исследованиях, но и в журналистской практике, и разговорной речи. И уже не воспринимаются экзотичными термины-понятия «эксперимент», «квант», «интеграция», «интерпретация» в гуманитарных науках. Лексемы-понятия «текст», «космос», «хаос», «система», «метафора», пришедшие из древнегреческого словаря, стали универсалиями современной коммуникации. Одновременно физики-космологи начинают проявлять интерес к энергетической природе эмоций.

Да и сам термин «синергетика», или «синергия», как называл феномен эффективного слияния усилий разных людей А. Маслоу, уже активно входит в многожанровую речевую практику и многостороннюю профессиональную деятельность. В главе «Синергия» своей книги «Дальние пределы человеческой психики» («The farther reaches of human nature») Маслоу пишет о синергетическом эффекте солидарного взаимодействия людей как необходимом условии успешной самоактуализации личности, добавляя, что синергия может существовать и внутри каждого человека [2, с. 211–224].

В то же время естественно-научные и технические дисциплины не менее активно заимствуют такие понятия лингвистики, как «метафора», «метонимия», «коннотация», «текст», «дискурс». Образные средства языка применяются в физике и космологии, например, метафора в термине «горизонт событий», оксюморон – в названии «виртуальная реальность».

Подобные сближения активизировали в последние годы интерес к междисциплинарному направлению, получившему название «синергетика», которое существует в малозаметном мире вербализованной эволюции сознания, но значительно влияет на жизнь каждого землянина.

Уже с 70-х гг. по данной теме выходят фундаментальные исследования, монографии, учебники, сотни статей, проводятся национальные и международные конференции как в России, так и за рубежом. Например, в Западной Европе активно действуют две основные школы исследований в области синергетики: это брюссельская школа, основанная лауреатом Нобелевской премии по химии за 1977 г. И. Р. Пригожиным, и школа немецкого ученого-физика Г. Хакена, возглавляющего институт синергетики и теоретической физики в Штутгарте (Германия).

Г. Хакен не только ввел в научный оборот термин «синергетика», теоретически обосновав особенности

новой парадигмы / методологии научного знания, но и оказал большое влияние на развитие российской научной мысли: его книга с тем же названием, переведенная в 1980 г. на русский язык, послужила основанием для развития идей синергетики в СССР. Новая методология познания и реализации общечеловеческой деятельности возникла на мощной корневой основе эволюционного прагматизма и интенсивной функциональности научного мышления.

В 1996 г. в Москве прошел очень представительный «Синергетический форум», где произошло сближение позиций гуманитариев и представителей точных наук, осознавших необходимость сближения позиций и взаимного обогащения результатами деятельности. Достаточно назвать некоторые из направлений этого форума: «Синергетика как наука о сложности», «Синергетика в контексте культуры», «Синергетика в междисциплинарном измерении», «Синергетика на пути к автопоэтической медицине».

В ближайшей перспективе синергетике предшествовала теория и практика мультимодальности. Специфической особенностью настоящего эволюционного процесса является сосуществование мультимодальности и синергетики. Мультимодальность как методология научно-практического анализа и синтеза достаточно скромно представлена в российских исследованиях, но она отразила достижения и уязвимые стороны уходящего из культурно-цивилизационного пространства постмодернизма с его тотальным деконструктивным нигилизмом.

В западной филологии активность использования и мультимодальности как дискретно-синкретного пути исследования и описания речевых произведений, вплоть до литературных произведений как вершин речетворчества и профессиональных языков, носит институциональный характер. Другими словами, существуют научные специальности, университетские кафедры, постоянно действующие конференции, сайты, очень большое количество тематических изданий и т.д. Западные ученые, сочетая достижения междисциплинарного анализа дискурса на стыке философии языка, семиотики, лингвистики, социологии знания и когнитивной антропологии, обращают особое внимание на семантику использования современных носителей информации и на семиотику всех возможных знаковых систем в языке и речи.

Наиболее полно ареал, объект и предмет мультимодальных исследований описан, на наш взгляд, в работах Г. Кресса «Мультимодальность: социальный семиотический подход к современной коммуникации» («Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication») и Г. Кресса и Т. ванн Леувена «Мультимодальный дискурс: модусы и медиаресурсы современной коммуникации» («Multimodal

Discourse: the modes and media of contemporary communication») [3; 4].

В России мультимодальная методология не достигла уровня институциональности, но позволила проявиться очень глубоким, своеобразным, индивидуальным творческим прорывам, совпадающим с западными позициями или отличающимся от них. Совпадения можно найти в трудах Г. Е. Крейдлина, разрабатывающего систему языка жестов, или А. А. Корниенко и ее учеников, всесторонне рассматривающих семиотику внутритекстовых знаковых систем (шрифтов, пунктуации, рисунков и т.д.).

Однако нам представляется наиболее близким и перспективным «особый» путь мультимодальных исследований российской филологии, проявившийся в трудах, прежде всего, лингвистов (А. А. Кибрик, Е. А. Гришина), осуществляющих свои изыскания в области дискурса-анализа текстов и лингвистики текста.

Мультимодальность была порождена уходящим стилем эпохи – постмодернизмом. Постмодернизм в последние годы, утратив свою высокую референциальную содержательность, оформленную, например, в философии децентрации Ж. Деррида, оброс отрицательными коннотациями, пройдя через уничижительную характеристику в философии Ж. Бодрийера, обнаружившего в нем пустоту симулякров.

Деконструктивный вектор постмодернизма принес с собой кажущийся неконтролируемым хаос точек зрения, дискурсов, авторских интенций, пересекающихся нарративов, смыслов внутри текста и разножанровых дискурсов. Именно в качестве суммы дифференцированных частных, мультимодальность становится эффективным средством рецепции и интерпретации сложных систем в состоянии «порядка в форме беспорядка» (А. Карпентьер).

Особая сложность постмодернистских текстов и дискурсов, затрудняющая их восприятие, объясняется множеством историко-культурных обстоятельств, кумулятивным характером самого этого нигилистического и жизнеобразующего стиля эпохи, невероятным повышением уровня эстетических задач и сознательной закодированностью не только смысла произведений, но и его стилевой и языковой ткани. Сверх того читателю необходимо было мгновенно и гибко переключать речевые регистры – от пафосного до просторечного или даже табуированного.

Даже смеховая авторская оценка многовековых культурных достижений человечества, вплетенных в смысловую, дискурсивную и языковую ткань литературных произведений, с одной стороны, помогала актуализировать читательскую рецепцию, но с другой – усложняла восприятие адресата широтой своей палитры, вбирающей в себя и высокую иронию, и

беспощадный сарказм, и сюрреалистическую стихию «черного юмора».

Благодаря интертекстуальным связям произведение, согласно Ю. М. Лотману, одновременно выступало и как «модель мира», и как «конденсатор культурной памяти», и как «генератор новых смыслов», которые возникают в результате преобразования цитат, диалога с литературной традицией, новых комбинаций уже известных в истории культуры элементов [4, с. 62].

В сущности, постмодернизм зафиксировал давно знакомый человечеству обратимый путь мифологического Хаоса, из которого рождается Порядок (Космос) или растворяется в нем. Большинство синергетиков отмечает, что новая методология описывает и включает в себя общие закономерности эволюции систем любой природы, «возвышаясь» над особенностями их специфических свойств.

Отсюда же следует и одна из основных особенностей творчества постмодернистов, в том числе и К. Воннегута, У. Эко, П. Зюскинда – последовательная и многосторонняя и децентрация сложившихся представлений о национальной и мировой истории и культуре. К. Воннегут – один из самых проникательных классиков постмодернизма, так определил свой творческий метод: «Предоставьте другим вносить порядок в хаос. Я вношу хаос в порядок» («Let others bring order to chaos. I would bring chaos to order...») [6, р. 209–210].

Мультимодальность в структуре и системе текста, а также в метаязыке его интерпретации, отражая реальность, предполагает введение понятий и практик других наук, создавая при этом эффект качественного сочетания образности и точности. Так, в романе Т. Моррисон «Beloved» («Возлюбленная») цифра 124 – это одновременно метонимия, заменяющая название дома, и символ этого дома, как всякая цифра, соединяющая рациональную точность и иррациональность стоящего за ней неопределенного смыслового множества. То же самое можно сказать о жизни в четвертом измерении на планете Тральфамадор в романе К. Воннегута «Slaughterhouse-Five, or The Children's Crusade» («Бойня номер пять...»).

Однако если мультимодальность – комплексное сложение отрицательных и положительных модусов и модальностей с непредсказуемым этическим и эстетическим результатом текста или дискурса, то синергетика – всегда позитивный результат умножения или интегрального счисления разнополюсных величин, с безграничным эффектом дополнительности и повышенной степени функциональности теории и практики.

При этом процессы самоорганизации, как и самой эволюции, проходят в разных, в том числе полярных направлениях: как к «прогрессу» (развитию и совер-

шенствованию), так и к «регрессу» (распаду и деградации). Согласно древнегреческой мифологической космологии, Космос, рождается из амбивалентного Хаоса, векторы которого устремлены к Хаосу умертвляющему и Хаосу жизнотворящему, извлекая, по И. Пригожину, «порядок из хаоса».

Сам процесс синергизации, сравнимый с креативной мощью древнего синкретического мифотворения, но уже не на интуитивном, а на процессуально-технологическом уровне, оказывается особенно продуктивным в единстве точных и гуманитарных наук, демонстрируя тем самым одну из моделей установления контроля над хаосом. Оказалось, что переход от Хаоса к Порядку вполне поддается физико-математическому моделированию. И хотя Г. Хакен предостерегал от абсолютизации математики, без нее, позволившей упорядочить хаос бесконечности, гибридности и неопределенности постмодернистского этапа познания и жизнотворения, было бы невозможным развитие синергетической стадии развития научной мысли [1].

Более того, без математического счета (расчета) невозможно представить ни одно коммуникативно-дискурсивное речевое действие, в том числе создание архитектоники художественного текста. Например, хорошо известна математическая выверенность композиций А. С. Пушкина не только в прозе, но и в поэзии, которая справедливо считается как минимум алгеброй и как максимум высшей математикой литературно-языкового творчества. Поэтому все больше понятно, почему в древнегреческих пифагорейских гимназиях изучали музыку и математику одновременно.

Эвристические возможности синергетики все увереннее распространятся на самые различные области науки и практики. По мнению Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, «в мировоззренческом плане идея нелинейности может быть эксплицирована посредством идеи многовариантности, альтернативности путей эволюции и ее необратимости» [8, с. 50].

Самые большие надежды, которые теоретики и практики синергетики возлагают на ее развитие, связаны прежде всего с повышением прагмакоммуникативной эффективности и функциональности молодой метанауки и ее практики, готовой использовать результаты, модели, методы и операционные средства других наук и форм жизнедеятельности всех времен и народов.

Именно открытость, готовность к диалогу с другими научными дисциплинами и практиками, вместе с признанием их самоценности, является одним из самых принципиальных достоинств нового кандидата на статус универсального языка коммуникации. Для нее представляют интерес, говоря словами Ю. А. Данилова, «системы из самой сердцевины предметной области частных наук, которые она из-

влекает и исследует, не апеллируя к их природе, своими специфическими средствами» [9, с. 7].

Различные научные области, научные дисциплины идут навстречу друг другу, обмениваясь характером своего осмысления мира. Космология, заявляющая о необходимости мультидисциплинарного подхода к изучению Космоса, единства и взаимодействия его микро- и макромира, к исследованию Солнечной системы, звездного неба с его поэтическими названиями, нераскрытыми тайнами и даже интригами, будучи сама интегративной физико-математической, астрономической наукой, не только нуждается в средствах и результатах естественных наук, но во многом уменьшает дистанцию между собой и гуманитарными науками и практиками [10].

Более того, в трудах Ю. А. Данилова, одного из теоретиков синергетики как многообещающего метаязыка науки, снимается граница между физикой и филологией в таких статьях, как «Красота фракталов» и «Кэрролл Л. История с узелками (задачи для больших и маленьких)» [10].

Лингвистика, лингвистика текста, вербальный дискурс занимают в этих процессах особое, уникальное место. Нет науки, которая не зависела бы от лингвистической сферы – ее языкового хаоса и порядка, поскольку все научные дисциплины в своих описаниях используют как минимум национальные языки.

К тому же лингвистика аккумулировала в своей методологии исследования операционные средства философии, эстетики, культурологии, когнитивистики, психологии, прагматики, теории коммуникации, дискурсивного анализа и образовала с ними смежные дисциплины (философия языка, лингвокультурология, лингвопрагматика и т.д.).

В этом смысле как бы сбылся прогноз Р. Барта о «транслингвистике» [12, с. 115]. «Лингвистический поворот» осуществляет история в трудах Ф. Р. Анкерсмита, в частности в работе «Нарративная логика: Семантический анализ языка историков», обратившего внимание на непродуктивное, по его мнению, отсутствие интереса коллег к тексту, предложившего излагать исторические события в форме нарратива и расширившего сферу использования метафоры и метонимии [13].

Направление «лингвистика – синергетика», или развивающаяся дисциплина «лингвосинергетика», отражает современные научные представления в их стремлении к синтезу наук и к развитию пограничных или интегративных научных направлений, где язык является основой и параметром порядка не только в мышлении и коммуникации, но и в обновлении жизнеустройства народов мира.

Современная лингвистика, в частности русский ученый-энциклопедист В. В. Иванов, утверждает, что количество языков в мире неуклонно сокращается,

т.е. уходит в Хаос умертвляющий. И одновременно количество языков растет в безграничном количестве, образуя Хаос животворящий. Семиотика открыла, что языков, причем развивающихся, на самом деле бесконечное множество, и соединение точных и гуманитарных наук расширяет их ареал [14].

«Система языка, – писал Ш. Балли, – слишком сложная вещь <...> в каких-то точках системы есть движение вперед, в каких-то – откат назад, и в каждый определенный момент очень трудно рассчитать этот языковой актив и пассив; это похоже на линию фронта, где одни части наступают, другие – остаются в арьергарде, а третьи – несут тяжелые потери, пораженные неприятельскими снарядами» [15, с. 67].

Еще один сегмент Хаоса живородящего – варианты одного языка, подверженные интерференции со стороны национальных языков и этнических или локальных диалектов. И безусловно, английский язык нигерийцев может сильно отличаться от языка современных британцев. Общеизвестно, что Ч. Диккенс, М. Твен и О. Уайлд были поражены различиями между английским британским и английским американским языками.

Если говорить о языковом порядке, то он основан на базовых функциях языка, связанных прежде всего с его коммуникативной, мнемонической и дескриптивной природой. Кроме того, что язык синергетики – это язык самой эволюции, это еще и язык культуры, включая этику и эстетику. В своей книге Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов напоминают, что «язык по праву называют уникальным архивом исторической памяти народа, отражением его образа жизни, верований, психологии, морали, норм поведения...» [8, с. 125].

С позиций физики и космологии, язык синергетики включает в себя вербализованные понятия «хаоса-порядка», «микромира/макромира», «открытости/закрытости», «линейности/нелинейности», «стабильности/неустойчивости». Ее ключевые термины – «бифуркация», «флуктуация», «аттрактор», «диссипативные процессы», «фракталии». И большинство лингвосинергетиков ориентируются на предлагаемую терминосистему.

Однако любая научная дисциплина может развиваться хотя бы частично в собственных границах. Переход от хаоса к порядку в лингвистике и лингвистике текста можно описать релевантными для них самих терминами, понятиями и операционными средствами. Так, принцип диссипации, описываемый физиками как «принцип минимума рассеяния (энтропии) энергии, когда допустимо не единственное состояние системы (процесса), а целая совокупность состояний, реализуемых в минимальном рассеянии энергии», можно перевести на рече/языковом и текстуальном уровнях в кажущийся хаос образования идиом, фразеологизмов, тропов, коннотаций, narra-

тивов, текстовых структур, разномасштабных дискурсов.

В то же время в диссертации А. Г. Бакиева «Лингвосинергетическая интерпретация метафорики Т. Пратчетта (на материале произведений из цикла «Плоский мир»)», представленной к защите в Уфе, органично сопрягаются микро- и макромир метафорики произведений. В ней также соединяются понятия и термины языков физики, математики, космологии, лингвистики и лингвистики текста: «фрактальная организация дискурса», «четырёхпространственная модель метафоры», «параметры порядка концепта life (жизнь)», «микроуровень функционирования метафоры», «метафорическое моделирование действительности через призму когнитивно-синергетического подхода» [16].

Будучи тесно связанной с кибернетикой, математическим моделированием, космологией, культурой и системным подходом к изучению реальности, синергетика расширяет представления о самодвижении и развитии материи, взаимосвязи материального и духовного микро- и макромиров, позволяет по-иному взглянуть на эволюционные процессы в природе, на процессы возникновения жизни и человека, на перспективы человеческой цивилизации.

В свою очередь, лингвосинергетика дает возможность пересмотреть и модернизировать представление о вербальной языковой системе как об открытом, сложном, осмысленном, прочувствованном и универсальном языке коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хакен Г.* Синергетике – 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном / Г. Хакен / Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 53.
2. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 432 с.
3. *Kress G.* Multimodality : A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication : Exploring Contemporary Methods of Communication / G. Kress. – New York : Routledge, 2010. – 236 p.
4. *Kress G., Leeuwen T. van.* Multimodal Discourse : the modes and media of contemporary communication / G. Kress, T. van Leeuwen. – London ; New York : Arnold, 2001. – 142 p.
5. *Лотман Ю. М.* Текст и полиглотизм культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с.
6. *Vonnegut K.* Breakfast of Champions, or Goodbye Blue Monday / K. Vonnegut. – N. Y. : Dial Press Trade, 1999. – 320 с.
7. *Пригожин И.* Порядок из хаоса : новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
8. *Князева Е. Н.* Основания синергетики : Синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 256 с.

9. Данилов Ю. А. Прекрасный мир науки : сборник / Ю. А. Данилов ; сост. А. Г. Шадтина ; под общ. ред. В. И. Санюка, Д. И. Трубецкого. – М. : Прогресс-Традиция, 2008. – 384 с.

10. Штерн Б. Е. Прорыв за край мира. О космологии землян и европиан / Б. Е. Штерн. – М. : Троицкий вариант – Наука, 2014. – 304 с.

11. Данилов Ю. А. Кэрролл Л. История с узелками (задачи для больших и маленьких) : [пер. с англ.] / Ю. А. Данилов // Пионер. – 1973. – № 1. – С. 72–75 ; № 3. – С. 62–63.

12. Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 114–163.

Воронежский государственный педагогический университет

Моташкова С. В., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка

E-mail: motashkova-svetlana@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 239-32-48

13. Анкерсмит Ф. Нарративная логика : Семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит. – М. : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.

14. Иванов В. В. Чёт и нечет : асимметрия мозга и знаковых систем / В. В. Иванов. – М. : Советское радио, 1978. – 185 с.

15. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : УРСС, 2004. – 207 с.

16. Бакиев А. Г. Лингвосинергетическая интерпретация метафоры Т. Пратчетта (на материале произведений из цикла «Плоский мир») : дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Бакиев. – Уфа, 2015. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/lingvosinerge-ticheskaja-interpretacija-metaforiki-t-pratc>

Voronezh State Pedagogical University

Motashkova S. V., Doctor of Philology, Professor of the French Language Department

E-mail: motashkova-svetlana@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 239-32-48